

## НАМ ПИШУТ

В двух номерах вашей газеты – №14 (16850) от 17 апреля 2020 года и №15 (16851) от 24 апреля 2020 года – была опубликована статья «Мы – дети войны» Л.Л. Краснопольского, с которым мы знакомы с 8-го класса школы, а с его отцом, Леонидом Никифоровичем Краснопольским, мне даже довелось встречаться по производственным проблемам. Статья мне понравилась, и мне также захотелось рассказать о детях войны, особенно о жизни семей, отцы которых ушли на фронт.

## 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

«Бей белофиннов!» – кричал Валерик, сидя верхом «на лихом коне», то есть на плечах своего папы, и бросал по углам комнаты гранаты – деревянные кегли. Почему «белофиннов»? Да потому, что всего год тому назад закончилась война с Финляндией и самым популярным врагом в детских играх были не просто финны, а плохие «белофинны». А пока был выходной день, мама пошла в соседний магазин, где «что-то давали», а папа был дома и играл с сыном в войну с «белофиннами».

Вдруг вбежала мама и закричала: «Включайте громче радио, войну объявили!» Радиопродюктор на тумбочке работал постоянно, но отец с сыном заигрались и не слышали начало передачи. Выступал В.М. Молотов, родители поняли всё. Отец только сказал: «Иду на завод» – и быстро вышел из квартиры. Валерик понял, что случилось что-то очень плохое.



Валерий Дрожкин с двоюродной сестрой Элей

## ПРОВОДЫ ОТЦА НА ФРОНТ

По семейным воспоминаниям, это было 7 июля 1941 года.

Голубой автобус. Отец в голубом лыжном костюме (я, когда играл в прятки, забирался в одну штанину, такие они были широкие) садится в автобус.

Играет музыка, бодрая, весёлая, а провожающие плачут – добровольцы уходят на фронт. В Сормове, на улице Коминтерна, дом №137, на здании бывшего Сормовского РК ВКП(б) (ныне отдел соцобеспечения Сормовской администрации), укреплена мемориальная доска. На ней написано, что в первые дни Великой Отечественной войны отсюда ушли добровольцами 80 сормовчих коммунистов-политбойцов. 3-4 июля 1941 года первый отряд коммунистов-политбойцов был сформирован, среди них был и мой отец – Н.В. Дрожкин, а 7 июля их уже провожали. По его личным воспоминаниям, на этот день их было 61, по другим данным, всего было даже 200 человек.

## 17 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА

В середине осени 1941 года я ещё не посещал детский садик, а мама работала на заводе по сложному графику, и, чтобы не оставлять меня на целые сутки одного дома, она отвозила меня на целую неделю, а может быть, и больше, к бабушке Надежде Сергеевне Цветковой, на улицу Короленко.

Однажды очень ранним утром мы с мамой, доехав на трамвае №9



Сёстры Цветковы – Тамара, Вера (уже Дрожкина) и Люба. Довоенное фото

## Семейный альбом

## ДЕТИ ВОЙНЫ

нарисовал кружок и сказал, что это город Горький и мы в нём живём. Далее Шулик стал рисовать на стороне немцев что-то похожее на танки, пушки и солдат, размером с танк. И всё это очень быстро охватывало Москву и рвалось к городу Горькому. И мы поняли, что это для нас, ребят, очень плохо. Но Шулик нарисовал с правой стороны большой танк с пятиконечной звездой на башне, и мы радостно вздохнули, потому что танки на улицах Сормова мы уже видели, после этого он зачеркнул все немецкие танки и пушки. Спасибо, Шулик, это был для нас первый урок военной географии!

(В послевоенные годы Александр Петрович Билибин стал преподавателем в Сормовском машиностроительном техникуме, как раньше его отец.)

## ВОЗДУШНЫЕ ТРЕВОГИ

(Этот эпизод я записал, когда мне было 13 лет, воспоминания были свежими, и я не стал их редактировать.)

«Валя, Валерик, проснись», – раздаётся голос мамы.

«А-а-а... я сейчас», – говорит Валерик. В радио звучит сирена. На заводе гудит с ровными перерывами гудок. Этот гудок прямо берёт за сердце. Стёкла в окнах пронзительно звенят. Небо освещено прожекторами. Ночь, но светло как днём. Мама одевает Валерика и выводит из комнаты. По коридорам и лестницам идут сонные люди. Они, спросонку, не поймут, куда идут.

Раздаётся заунывный звук, это немецкий самолёт. Раздаются выстрелы зениток и пулемётная трескотня. Со всех сторон к самолёту летят красные чёрточки снарядов. Вокруг сыплются осколки. Люди быстро бегут к бомбоубежищам. В убежище темно и сырьё, кое-где горят фонари или свечка. Тихо, все сидят притаившись, прижавшись поближе к стенам.

Вдруг дверь открылась, и все увидели, что на улице уже не светят прожекторы и не слышно выстрелов пушек и пулемётов. В дверях показалась фигура женщины. Это домоуправляющая, она объявила, что тревога окончена и можно идти домой. Все встают и тихо бредут к выходу. Кое-кто перебрасывается словечками.

В доме некоторое время стучат открываемые и закрываемые двери, но через минут пять все затихают. Валерик раздается и ложится спать. Время – около двух часов ночи, а в восемь часов утра он должен быть в детском саду. Угомонившись, он скоро засыпает.

Добавлю, что в бомбоубежище мы бегали 2-3 раза, позднее стали спускаться в подвал, где находился домовой бойлер.

## ТЁТЯ ЛЮБА

Младшей сестрой моей мамы была Любовь Николаевна. Все в большой семье Цветковых звали её просто Люба. Это была весёлая худенькая девочка, старше меня лет на 10. С моей ровесницей двоюродной сестрой Элей они лихо скакали в «классики», я тоже пробовал, но они меня легко обскакивали. Когда соседская кошка забралась на старую липу, Люба легко вскарабкалась на дерево и спустила кошку на землю. Мы с Элей тоже звали её Люба, она не обижалась, и наши мамы, Вера Николаевна и Серафима Николаевна, нам с Элей замечаний за это не делали.

Но вот однажды Люба откуда-то пришла, присела на стул и только улыбнулась. Моя мама сказала, что она усталая, так как пришла после первого дня работы в Доме связи. Мы уже знали, что все взрослые люди должны работать, значит, Люба стала взрослой, после этого мы с Элей называли её «тётя Люба», а ведь ей, как я позже сосчитал, только что исполнилось 16 лет. Её детство кончилось.

## ГДЕ МЫТЬСЯ МАЛЬЧИШКЕ?

Когда началась война, мне ёщё не исполнилось 4 года. Первые месяцы войны у нас в 4-этажном доме работали на каждом этаже по две душевые, там меня мыла мама. Потом горячую воду отключили, и мы с ней стали ходить в женское отделение бани на улицу Баррикад.

Война продолжалась, я рос, и моей матери уже стали делать замечания о приводе в женское отделение ребёнка мужского пола. Но в Сормове многие женщины знали друг друга и понимали, что отцы ушли на фронт.

В 1944 году, когда мне уже было 6,5 лет, мы переехали на улицу Минина, матери было удобнее жить ближе к сёстрами и бабушкой на улице Короленко, а вот мужчин в семье не осталось. В женское отделение в бане на Ковалихе мальчиков моего возраста уже не пускали, а одного меня в баню мать не решалась отпустить. Пришлось мыться в комнате, выручало, что надвигалась зима и в комнате топили печку. Потом у знакомой моей мамы оказался сын, который согласился ходить со мной уже в мужскую баню.

## 9 МАЯ 1945 ГОДА

Вот и 8 мая 1945 года вечером мы с мамой по предварительной договорённости ходили в душ в Дом энергетиков, который находился где-то по горой, на берегу Оки, и ночевать пришли к бабушке Цветковой на улицу Короленко. Мытый и уставший я быстро заснул. Квартира у бабушки была в полуподвале, над тротуаром возвышались только верхние стёкла окон. И вот среди ночи нас разбудил стук обувью по стеклу, все проснулись, а с улицы кричат: «Война кончилась!»

Все стали одеваться, а в двух комнатах и кухне ночевало девять человек, что-то радостно кричали. Я закричал: «Скоро папа приедет!» Потом все посмотрели на Элю, она сидела на кровати и плакала. Все замолчали, даже я понял, почему она плачет, – потому что её папа не приедет, он погиб на войне. Наступила первая послевоенная Минута Молчания.

Рисковал и я, закричав: «Папа приедет!» Его фронт, 4-й Украинский, продолжал ещё два дня вести бои в Чехословакии с германскими войсками, отказавшимися капитулировать и стремившимися прорваться на Запад и сдаться англо-американским войскам.

## ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ

Но вот прошёл год после окончания войны. Войсковую часть, где служил отец, перевели в Болгарию, более того, ему разрешили привезти в Болгарию жену и меня, уже закончившего 1-й класс школы. Для сопровождения попросили сержанта, которого отпустили в отпуск на север Горьковской области, а на обратном пути сопровождать нас с матерью в Болгарию.

Ехали мы долго. На участке от Москвы до станции Жмеринка поезд был составлен из «телячьих» вагонов, то есть обычных товарных вагонов с широкими воротами в середине и нарами (полатями) по обеим сторонам вагона. Сержант занял для нас с матерью место наверху рядом с небольшим горизонтальным окном. Для мальчишки ехать было вполне комфортно, а вот взрослым для туалетных проблем поезд останавливался не только на станциях, но и прямо в лесочках.

Когда мы уже ехали по Украине, поезд остановился прямо в степи, в чистом поле, но поле после прошедших боёв было всё в глубоких ямах от взрывов и остатков земляных сооружений.

Поезд стоял долго, и я занялся благоустройством. Находил большие осколки и катил их в ближнюю воронку. Ухватился я за большой снаряд и примерялся, как его скатить в яму. Вдруг меня кто-то схватил сзади и отбросил в сторону. Это оказалось тоже ехавший на поезде солдат, который объяснил матери, что я собирался скатить не разорвавшийся снаряд, который пролежал на поле уже три года, с боёв в 1943 году, и мог взорваться от любого прикосновения.

До сих пор, вспоминая этот случай, благодарю того солдата, который сам рисковал взорваться вместе со мной.

**СПРАВКА.** Политбойцы – это те же красноармейцы, обязанные не только словом, а в первую очередь личным примером показывать остальным, как вести себя в бою. Очень немногие политбойцы вернулись живыми с войны. С 1 января 1942 года призыв специальных политбойцов прекратился. В сормовской школе №117 есть музей политбойцов.

Валерий ДРОЖКИН,  
Заслуженный пенсионер  
атомной отрасли, Заслуженный  
конструктор РФ, сормович  
Фото из семейного архива